

УДК 82

**«ПО НОВОМУ ШТАТУ». ДВА ЛИКА ГОСУДАРСТВА
В ОСМЫСЛЕНИИ А. ЗИНОВЬЕВА**

© 2009 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

olsios@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2009

Анализируется социально-философская проблематика антиутопий А. Зиновьева «Зияющие высоты» и «Глобальный человек», исследуются общие черты тех «социальных проектов», которые изображены в данных произведениях.

Ключевые слова: А. Зиновьев, сатира, свобода, антиутопия, манипуляция сознанием.

Социологический роман Александра Александровича Зиновьева «Зияющие высоты» [1, с. 2], созданный в середине 70-х годов XX века и опубликованный в 1976 году в Западной Германии, – это сатира на социалистическое общество, острая и в художественном отношении очень убедительно воплощенная. Логично было бы предположить, что автор смотрит на жизнь с диссидентской точки зрения, критикуя несвободное советское государство с либерально-демократических позиций западнического толка. Однако социологическая футурологическая повесть «Глобальный человек» [3], написанная и опубликованная в 90-е годы, свидетельствует, что это не так. Сам писатель высказывался о том, что его нельзя считать принципиальным противником именно советского образа жизни, что негативные черты он видел и в западном общественном устройстве [4]. «Зияющие высоты» и «Глобальный человек» показывают, что два, казалось бы, противоположных типа общества обнаруживают явное сходство. Оба представляют собой **результат «перedelки всего человечества по новому штату»** (как говорил Иван Карамазов в романе Ф.М. Достоевского [5, с. 293]). Мысль А. Зиновьева о сходстве двух систем тем более убедительна, что выражает её человек, хорошо знакомый с ними обеими. Не случайно Л. Греков написал в своём предисловии к «Глобальному человеку», что в этой книге показаны «зияющие высоты западнизма» [6].

Оба произведения по жанровым признакам могут быть отнесены к **антиутопиям**. Антиутопию не случайно называют «утопическим Зазеркальем» [7, с. 260]. Утопия выдвигает определённый «социальный проект», сочетающий в себе, с одной стороны, равенство, справедливость в

распределении материальных благ, стабильность, а с другой – отсутствие свободы, нивелировку личности. Если для утописта важен первый аспект общественного устройства, то антиутопист делает акцент на втором. Таким образом, антиутопия направлена против определённой утопической идеи и показывает её оборотную сторону. В «Зияющих высотах» критически осмысливается социалистическая идея, которую принято считать «реализовавшейся утопией» (в принципе это оксюморон, так как если идея реализовалась, то она не утопична, но, с другой стороны, то, что было утопичным в одну эпоху, в другую могло стать реальностью). А в «Глобальном человеке» показана оборотная сторона западной и американской «демократии» (её тоже можно назвать «реализовавшейся утопией», учитывая, что утопией она была для диссидентов советских времён). Каковы же **самые существенные черты «социального проекта»**, изображённого в этих произведениях?

Один из его базовых принципов – это **тотальный контроль государства над всеми сферами жизни человека**. В «Зияющих высотах» даже Мусорная Свалка открывается под руководством Заведующего Ибанском (сокращённо – Заибана) и его Заместителей, расставленных в алфавитном порядке. Высшее начальство определяет, кто будет выбран в академики, кто может выезжать за границу и т. п. Вездесущие ООН (Органы Охраны Народа) стремятся всегда и везде держать человека под наблюдением: «В частности, Инструктору с помощью синхрофазоциклобетатронного пролазыра удалось проколоть пространство в районе туалета Шизофреника и зарегистрировать его намерение начать сочинение квазинаучного социологического трактата» [1, с. 10]. Любая инициати-

ва, проявленная помимо указаний начальства, наказуема: когда Патриот, например, подаёт рапорт об отправке на фронт, то оказывается под арестом, и сосед объясняет ему, что его судьбу должно решать начальство, а он проявил желание сделать это самостоятельно, что и является преступлением, поэтому теперь его на фронт отправят только в самом крайнем случае.

Как же обстоят дела в этом отношении в «демократическом» государстве ЗС (Западный Союз)? В «Глобальном человечнике» герой-рассказчик Ал говорит, что жизнь в Запад-Сити «организована без всякого капитализма и без малейших намёков на демократию, как казарменно-бюрократический коммунизм русских во второй половине XX века, которым до сих пор запугивают западоидов» [3, с. 100]. Сотруднику государственного учреждения рекомендуется обязательно заниматься спортом, посещать секс-школу, при бессоннице включать усыпляющее устройство, а иначе факт бессонницы будет зафиксирован в служебной характеристике – это опасно, так как сотрудник обязан быть здоровым. В «Зияющих высотах» отмечено, что наличие стукача есть базовый признак любой социальной ячейки, а в «Глобальном человечнике» Ал обнаруживает, что функции стукача выполняет его дублёр – компьютер Ла, то есть стукачество существует в ЗС даже не на уровне какой-то общественной группы, а на уровне контроля за *каждым* человеком. В Ибанске специально проверяется степень сознательности обывателя и ему выдаётся «жетон сознательности», а в Запад-Сити компьютером высчитывается «коэффициент лояльности» служащего. Интересно, что и в Ибанске, и в ЗС даже проявления социального недовольства инспирируются властями и ими же используются. Сотрудник ибанских ООН объясняет: «Оппозиционеров мы делаем сами. Или по недосмотру. Или по мере надобности» [1, с. 290]. Ибанский «Срамиздат» работает под руководством Органов и вообще наполовину является именно их порождением, так как государству нужно создать видимость свободомыслия. А в ЗС молодёжные бунты «манипулируются правящими силами, даже провоцируются специально», например, чтобы «оказать давление на Верховный Конгресс, который должен утвердить бюджет на пятилетие» [3, с. 76].

В контексте рассуждений о тоталитарном контроле над человеком А. Зиновьев в обоих произведениях затрагивает тему смерти, и оказывается, что как в Ибанске, так и в западном «человечнике» личность лишена права решить свою судьбу без контроля со стороны вла-

сти. В финале «Зияющих высот» Болтун приходит к мысли, что он уже достаточно познал жизнь и устал от неё, и решает умереть, но это оказывается непросто: приходится занять очередь в Похоронное Бюро, где каждого заставляют несколько раз переписывать и заверять множество документов. Женщина из очереди говорит: «Я ему (чиновнику. – О.С.) сказала, что однажды я умру здесь, в очереди. И знаете, что он мне ответил? Оштрафую, говорит!» [2, с. 300]. В Ибанске существует даже Инструкция о Смерти, по которой умерший и сожжённый в крематории человек, выходя оттуда, должен забрать с собой урну со своим прахом. В «Глобальном человечнике» смерть называют Последним правом человека, возникает целое общественное движение, отстаивающее его, и наконец Верховный конгресс включает его в число конституционных прав. Но после этого должен быть разработан и утверждён документ о том, как именно пользоваться этим правом, – в результате получится такая бюрократическая волокита, что «возможности самоубийств ещё более затруднятся, чем ранее. И самоубийство в рамках права станет по крайней мере вдвое дороже, чем без него... А самоубийство вне рамок права запрещено. Это посягательство на демократию» [3, с. 438].

Тема тотального контроля над личностью неразрывно связана с проблемой **свободы**, которая тоже является одной из основных в обоих анализируемых произведениях. Решение этого социально-философского вопроса в антиутопиях А. Зиновьева отсылает нас к «*Легенде о великом инквизиторе*» **Ф.М. Достоевского**. Заметим, что многие литературоведы, считают его творчество, и в частности «Легенду», одним из истоков антиутопии [8; 9; 10]. Великий инквизитор развивает мысль о том, что свобода соблазнительна для человека, но и непомерно тяжела для него. А значит, чтобы он почувствовал себя счастливым, нужно лишить его свободы выбора, но так, чтобы субъективно он продолжал считать себя свободным. **Мнимая свобода** – одна из основ государства великого инквизитора, но на той же основе вырастают и выстроенные «по новому штату» государства, изображённые А. Зиновьевым. В ибанском обществе, с точки зрения его официальной идеологии, человек свободен и имеет все демократические права, причём для многих это вполне искреннее убеждение. Но если человек имеет право поступать определённым образом, то это ещё не значит, что он практически может это осуществить: «Бывают случаи, когда человек официально свободен, а фактически нет. Иногда бы-

ваает так, что недостаточно отсутствия запрета на поступок, а требуется ещё официальное разрешение. Иногда и этого мало, требуется ещё запрещение препятствовать осуществлению разрешённых или незапрещённых поступков» [1, с. 63]. Например, талантливый скульптор Мазила свободен творить так, как он считает нужным, но ему необходимо получить материал на государственном складе, а это препятствие непреодолимо – в результате право на свободное творчество оказывается фикцией. Талантливый учёный Клеветник свободен избираться в академики, но большинство, послушное власти, никогда за него не проголосует. Крестьянин, например отец Крикуна, свободен высказать своё мнение о «дармохозах», но после этого его тут же отправляют в ссылку. Западный же мир вроде бы всегда противопоставлялся советскому (у А. Зиновьева – ибанскому) как наиболее свободный. Посмотрим на него глазами героя-рассказчика в «Глобальном человеинике»: «Мы (западоиды. – О.С.) предоставили человеку свободы, но... в результате мы создали условия жизни, в которых подавляющее большинство формально свободных людей практически не могут воспользоваться ими» [3, с. 85]. Сам Ал свободен защитить диссертацию, но сложившаяся научная элита этого не допускает; он свободен выбрать работу, но рабочих мест просто нет; он свободен найти подходящее место жительства, но у него нет средств для оплаты квартиры. Формально свободу никто не ограничивает, и тем не менее в реальности её нет. При этом обычный гражданин ЗС, как и обыватель-ибанец, как и человек в государстве великого инквизитора, может субъективно считать себя свободным: «Нужно лишь установить границы, за которые предоставленные самим себе массы не должны выходить. Границы эти надо сделать такими, чтобы массы их вообще не считали границами и даже не замечали их, а заметив, сочли бы их за признаки свободы и их собственного волеизъявления» [3, с. 308].

Великий инквизитор Ф.М. Достоевского, рассуждая о свободе, затрагивает одну из фундаментальных особенностей человеческой природы: *человек не может не мечтать о свободе, но в то же время боится её*. Получив свободу, он будет страдать от неё и в конечном итоге принесёт её к ногам правителей. Ту же мысль высказывает и «подпольный человек»: люди вроде бы борются за «волюшку», но если им вдруг её предоставят, они сейчас же вновь «в опеку попросятся». Эта идея находит своё отражение и в рассуждениях зиновьевских героев о свободе и рабстве. В «Зияющих высотах» Со-

трудник говорит, что власти было бы гораздо выгоднее не запрещать оппозиционные организации, а разрешить их, и тогда они тут же выродились бы: «Когда людей насилуют, им кажется, что они способны на многое. Дай им свободу, и скоро всем станет ясно, что они не способны ни на что» [1, с. 290]. Ал в «Глобальном человеинике» приходит к тому же выводу: человек, предоставленный саму себе, приложит все силы, чтобы избавиться от нестерпимой для него абсолютной свободы. Он «есть потенциальный раб, стремящийся стать рабом фактическим и страдающий, если ему это не удастся» [3, с. 309]. В обоих произведениях выражена мысль о том, что власть в принципе может обойтись и без прямого насилия: если обычного человека предоставить самому себе, то он без всякого принуждения сделает именно то, что выгодно для власти, потому что это будет соответствовать его природе потенциального раба. Вспомним, что и великий инквизитор вовсе не собирается насильственно завоёвывать господство над миром: он полагает, что люди, настрадавшись от свободы, сами попросят взять над ними власть.

Те законы существования Ибанска и ЗС, о которых говорилось выше: тотальный контроль над человеком и фактическое отсутствие свободы, – реализуются при условии **манипуляции сознанием населения** со стороны власти. Особенность манипуляции сознанием по сравнению с прямым насилием заключается в том, что люди, которые обрабатываются психологически, не осознают, что на них оказывается влияние, а значит, и не сопротивляются.

Этот социальный закон тоже открывает нам в художественной форме прежде всего Ф.М. Достоевский. Его *великий инквизитор* организует жизнь в своём государстве на основе трех искушений, отвергнутых Христом, то есть на принципах антихристианских, но при этом убеждает людей, что действует во имя Христа, и они вполне уверены, что живут в христианском обществе. Великий инквизитор полностью контролирует жизнь обывателей, абсолютно лишив их свободы выбора, но делает это так искусно, что они продолжают считать себя свободными. Такое скрытое психологическое воздействие на сознание людей и есть *манипуляция сознанием*. И этот феномен можно наблюдать в изображённых А. Зиновьевым обществах, где власть «даёт установку» людям на то, что они живут в лучшем из возможных государств. В «Зияющих высотах» принцип такой манипуляции сознанием выражен в форме анекдота: «Наш игрок продул ихнему, а у нас сообщили,

что наш был вторым, а ихний – предпоследним» [1, с. 23]. Населению Ибанска любые сведения, даже научные, преподносятся так, что «идеологический эффект оказывается неизбежным». Вот, например, пародийное переосмысление пропаганды достижений советской науки: ибанскими физиками была открыта новая элементарная частица – изматрон; она не обладает никакими физическими характеристиками, поэтому открыть её с помощью законов физики невозможно – ибанские учёные осуществили это исключительно с помощью изма – единственно верного и передового учения. Изматрон состоит из единства противоположностей, permanently переходит из количества в качество, развивается по спирали от низшего к высшему путём отрицания отрицания и при этом постоянно переходит на сторону пролетариата. «Западные физики, узнав об открытии ибанских коллег, сказали: твою мать – и сдохли от зависти» [2, с. 113].

Существуют и другие виды манипуляции сознанием людей, например использование «ручной» оппозиции: поэт Распашонка – любимец молодёжи, Органов и американцев – получает задание съездить за границу, произнести там что-нибудь смело-критическое, но не слишком опасное в адрес ибанизма. В результате создаётся впечатление свободы ибанской мысли, а Распашонка по приезде домой получает «по шее» (для вида) и дачу (в качестве гонорара). Когда «намечались отступления от принципов ибанизма», Заибан и Помощник решили сначала создать оппозицию, а потом дискредитировать её в глазах обывателей, связав с очередью, которая выстроилась у Продуктового Ларька, потому что прошёл слух, что будут давать ширли-мырли. Расчёт прост и безошибочен: «Ширлей-мырлей всё равно не будет, если даже выяснят, что это такое, и соберут богатый урожай. Всё равно сгноят на корню и разворуют. Так что кто-то за это должен будет нести ответственность» [2, с. 253].

Феномен *манипуляции сознанием* существует и в западном «демократическом» обществе, о чём свидетельствует «Глобальный человек». Ал рассказывает о том, как вдалбливается в головы западоидов определённая информация, а другая замалчивается. Он, например, в своей диссертации раскрыл истинные законы жизни ЗС, но её объявили антинаучной. Его собеседник Фил, имеющий большой жизненный опыт, спокойно объясняет ему причину: Ал стремился открыть людям истину, в то время как вся мощь науки в ЗС направлена на то, чтобы «скрыть очевидное и запутать сознание людей». В ЗС

создаётся грандиозный труд о преимуществах западной демократии, адресуется он инопланетянам, так как западоиды, по словам рассказчика, уже поголовно оболванены официальной пропагандой, а вот инопланетяне пока ещё преступно равнодушны к «правам человека» или «свободе предпринимательства». Те, кто пишет этот эпохальный труд, руководствуются определёнными установками, которые вроде бы никем прямо не сформулированы, но для всех очевидны. Первая установка: исходить из предположения, что инопланетяне страдают под игмом коммунизма. Вторая: «изображать разрушение окружающей среды и нищету большинства человечества вследствие западного прогресса как явление прошлое, причём имевшее место не по вине Запада, а по вине коммунистических и других недемократических режимов» [3, с. 128–129]. Основное же средство оболванивания самих западоидов до гениальности просто: «загружать их делом и бытовыми заботами настолько, чтобы у них не оставалось сил и желания для выработки способности размышлять о социальных проблемах» [3, с. 176]. Люди в итоге вполне удовлетворяются официальной государственной идеологией, а она, по словам главного героя, для того и существует, чтобы вводить в заблуждение. Красноречивый пример манипуляции сознанием – идеологическое обеспечение войны против арабского государства Кари, когда нагнетается истерия по поводу его «военной мощи» и «коммунистического» режима. Враг создаётся с помощью пропаганды, а затем он будет разгромлен во славу «демократии». Причём это будет выглядеть как гуманная акция, «спасающая человечество от смертельной опасности». Как говорит в «Зияющих высотах» Заибан, «бить надо умеючи. Чтобы все думали, будто мы подлинный гуманизм проявляем» [2, с. 253]. Население ЗС (как и Ибанска) в этом и не усомнится. Если же человек начинает задумываться и размышлять, то это воспринимается как отклонение от нормы, которое надо исправить. Когда, например, Ал замечает, что неприятно осознавать ничтожество своей социальной позиции, то его собеседница Ро (воплощение истинного западоида) предлагает выход: не осознавать этого, а изменить «ориентацию своих мыслей», и тогда мир будет представляться справедливым.

В мире зиновьевских антиутопий, где происходит манипуляция сознанием личности, *большинство людей постепенно теряет способность самостоятельно мыслить и живёт автоматически*. В таком мире требуется не личность, а **человек-функция**. В ибанском инсти-

туте Житухо-Обыденных Проблем (аббревиатуру приводить не будем) специальные машины регистрируют биотоки сотрудника и проверяют выдаваемые им за день листы с текстом, что даёт возможность одному из героев – Балде – сконструировать свой биозамениватель. Это устройство – Эрзац-Балда – имитирует его биотоки и выдаёт машине листы с текстом, в основном взятые из старых учебников. В Запад-Сити, в Мозговом Центре (МЦ), где работает главный герой «Глобального человеиника», всё организовано примерно так же, различие лишь в деталях. Ал поручает составление справок, которые от него требуют, своему дублёру – компьютеру Ла, и тот делает это даже лучше, чем человек, так как при этом не требуется эмоций, самостоятельной жизненной позиции, умения независимо мыслить и т.п.

Тот «социальный проект», который изображается в антиутопии, поддерживается по преимуществу таким универсальным средством, как **ложь**. На фундаментальной лжи строит свою власть Великий инквизитор у Ф.М. Достоевского, внушая людям, что они свободны и живут по христианским заповедям. В Ибанске власть имеет специально сконструированную ложную концепцию действительности, когда всё негативное замалчивается, а всё позитивное раздувается, а при этом и то и другое перестаёт быть правдой. Лгут правящие круги ЗС, когда создают «образ врага» и пропагандируют «справедливый» и «прогрессивный» образ жизни западоидов. Во всех трёх случаях процветает **«идеология для вида»**. В государстве великого инквизитора это христианство, которое используется, чтобы «усыпить совесть» людей. В Ибанске это изм (или ибанизм, или социзм, или псизм – полный социзм), в который никто не верит, но все им руководствуются. В ЗС это «демократия», которая создаёт «ложную видимость сущности власти» [3, с. 119]. Интересно то, что при этом *население во всех трёх случаях вовсе не выглядит жертвой, а вполне довольно своей жизнью*. Великий инквизитор, допуская обман, исходит из того, что, живя в иллюзорном мире, люди будут счастливы. Во всяком случае, полная вера в правоту властителя избавляет их от многих проблем и страданий, и можно не сомневаться, что ничтожно мало нашлось бы таких, кто предпочёл бы знать истину. Ибанские власти, когда изгоняют Правдеца, опираются на волю народа, который не хочет знать правду, а предпочитает быть обманутым, так как это успокаивает совесть. Западоиды вполне удовлетворяются тем, что отказываются осознавать острые проблемы и «изменяют ориента-

цию своих мыслей» так, чтобы мир казался позитивным.

Итак, ложь становится главным средством поддержания «социального проекта» антиутопий. Однако не исключается и **прямое насилие**. Если в эпоху великого инквизитора инакомыслящих сжигали на кострах, то во времена зиньевевских героев используется более изощрённый метод. В «Зияющих высотах» Крикун, например, «приговаривается к лечению» и обречён на медленную смерть. Аналогичная судьба ожидает в «Глобальном человеинике» Фила, который из-за своего образа мыслей перестаёт устраивать руководство.

Если самостоятельно мыслящий человек неугоден государству, то это приводит к **расцвету** всяческой **посредственности**. Этот социальный закон прослеживается как в ибанском обществе, так и в ЗС. Как говорит в «Зияющих высотах» Неврастеник, для творческой или даже просто хорошей работы всегда приходится нарушать какие-либо правила, а это раздражает начальство и окружающих, поэтому в социальном плане наиболее выгодно быть посредственностью: *«выживает среднейший»* [1, с. 218], хотя на первый взгляд в ибанском обществе проходит соревнование за лучшие показатели. В «Глобальном человеинике» западоиды вроде бы ратуют за прогресс, двигателями которого по логике должны быть ум, талант. Но оказывается, что «тут настоящий ум не только не нужен, он тут противопоказан», как объясняет новичку Алу более опытный сотрудник МЦ – Нор. Ведь в обществе ЗС истиной считается то, что *полезно*, а полезно для служащего выполнять «молчаливые установки» начальства. Поэтому и здесь «выживает среднейший». Талантливому и умному человеку приходится скрывать талант и ум, чтобы не стать безработным. Фил, непосредственный начальник главного героя, комментирует это в форме аллегории: «Виртуоз, скрипач, играющий в заурядном оркестре заурядную роль, должен забыть о том, что он виртуоз» [3, с. 147]. И это очень напоминает рассуждения *Шигалёва в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»* о проекте общества, построенного по принципу всеобщего равенства, где высокий уровень способностей воспринимается как отступление от этого принципа, а в результате «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями» [11, с. 437]. Такое положение вещей приводит к постепенной **нивелировке личности**, к процветанию одинаковости и единомыслия. «Если человечество и погибнет, то не от разъединения и драк, а именно от еди-

нения и однородности», – говорит Шизофреник в «Зияющих высотах». В ибанском обществе существует небольшой процент людей, выходящих за рамки однородности, – в обществе западоидов таких людей, пожалуй, ещё меньше. В этом смысле интересной деталью являются *имена героев*. В Ибанске все имеют фамилию «Ибанов», но именем собственным становится прозвище: Болтун, Крикун, Клеветник, Шизофреник и т.д. – это все-таки индивидуализирует персонажей. В ЗС человека именуют одной-двумя буквами из имени и фамилии, прибавляя к ним номер подразделения и отдела, где он служит. Главному герою это напоминает номер машины, по которому не поймёшь, старая ли это развалюха или роскошный лимузин. Точно так же по «обозначению» человека не догадаешься о его социальном положении и качествах. Это считается демократичным и справедливым.

С темой *обезличивания и единомыслия* связан и следующий момент. В ибанском обществе, построенном на усреднённости, карается независимость мысли, поэтому у людей, всё-таки способных рассуждать самостоятельно, существует некий *двойной стандарт*: для собрания – одно, а для размышлений наедине с собой или на кухне с друзьями – другое. В «Глобальном человеинике» эта тема разворачивается неожиданно и ещё более пессимистично. Фил замечает, что в коммунистическом обществе существовало «двоемыслие»: человек про себя думал одно, а официально высказывал другое, а в обществе западоидов человек перестал быть способным на такое «двоемыслие», так как у него просто *нет иного мнения*, чем то, что навязывает официальная идеология. В результате общество представляет собой «множество индивидов, думающих поразительно однообразно» [3, с. 268].

В связи с вышеизложенным в обеих антиутопиях возникает **образ муравейника**, что вновь отсылает читателя к «Легенде о великом инквизиторе», главный герой которой выражает мысль о том, что человечество всегда стремилось объединиться под властью сильной личности в «*беспорный общий и согласный муравейник*» [5, с. 323]. В «Зияющих высотах» Болтун представляет Ибанск как грандиозный муравейник, в котором функция отдельного муравья состоит в том, чтобы «замазывать щелчки в возможном выходе из тупика» [2, с. 246], чтобы в «мудром Муравейнике» ничего не менялось. В «Глобальном человеинике» само название уже порождает ассоциацию с муравейником («человеиник» – контаминация «человечества»

и «муравейника»), но Глобальное Общество западоидов отличается от муравейника тем, что в нём «идёт ожесточённая борьба между человьями» [3, с. 19]. Однако эти человьи настолько одинаковы, что «их стало так же трудно индивидуализировать, как муравьёв» [3, с. 415]. Заметим, что когда великий инквизитор у Ф.М. Достоевского говорит о счастье людей, «многочисленных, как песок морской», то тоже не предполагает никакой индивидуализации «песчинок», он и всю свою философскую концепцию выстраивает исходя из того, что счастье должно быть для всех людей *одинаково*.

Поскольку в обоих социумах, изображённых А. Зиновьевым, «выживает среднейшей», то в этих государствах *на руководящих постах оказываются самые бездарные и неинтеллектуальные люди*. Это сближает Ибанск и ЗС и отличает их от государства великого инквизитора. У Ф.М. Достоевского герой предполагал, что властвовать над «муравейником» должен сильный и умный человек. Произведения А. Зиновьева доказывают, что это может делать ничтожество. В этом отношении примечательно описание процесса создания какого-либо доклада высшего руководителя. Механизм и в Ибанске, и в ЗС один и тот же: руководитель даёт задание заместителям, те – помощникам, и так по цепочке доходит до рядовых сотрудников, например, Ала в «Глобальном человеинике» или Балды в «Зияющих высотах».

Для художественного мира антиутопии характерна фигура **героя, который вступает в конфликт с системой**. В произведениях А. Зиновьева такие герои есть, но противостоят они государству по-разному. В «Зияющих высотах» довольно много персонажей, которые выражают в трактатах, книгах или просто в разговорах собственное мнение, критическое и объективное отношение к ибанскому обществу, но от этого ничего не меняется. Как пишет Хмырь, «я бы что-нибудь сказал, да от слов эффект пропал». Лишь Крикун активно и последовательно борется с законами этого общества, и судьба этого героя складывается трагически. Всё это порождает мысль о *бесперспективности борьбы*, не случайно в своём интервью [4] да и в тексте романа автор говорит, что советское (в романе – ибанское) общество иным быть не может и любые попытки изменить его приведут лишь к худшему результату. В «Глобальном человеинике» тоже есть герои, в которых ещё сохранилась способность самостоятельно мыслить (в том числе Ал), но нет ни одного персонажа, которого можно было бы назвать борцом с системой. Все они прекрасно понимают, что

образ жизни западоидов ведёт к духовной гибели, что «прогресс» оборачивается деградацией, но тем не менее они работают в святая святых ЗС – в Мозговом Центре – и не только не помышляют отсюда уйти, но всеми силами стремятся там удержаться, чтобы не быть выброшенными на улицу. Ал, например, после страшного испытания безработицей готов на что угодно, чтобы остаться в МЦ, пусть даже ему придется идти против собственной натуры. Рационалистичный западоид в этом отношении явно уступает ибанскому Крикуну. Правда, Ал со временем всё глубже осознаёт ужас своего положения и в конечном итоге решает использовать свою работу в МЦ для своеобразной борьбы с законами жизни ЗС: «Надо во что бы то ни стало закрепиться в МЦ и использовать это положение для изобретения нового, некомпьютерного, человеческого (!) понимания нашего общества и вообще законов организации и эволюции человечества» [3, с. 398]. Но и в «Глобальном человеинике» просматривается мысль о *бесперспективности всякой борьбы*: книга заканчивается рассуждениями рассказчика о том, что западоиды сами себе «отрезали все пути борьбы за человеческое существование», единственный путь спасения – разрушение всей существующей цивилизации. Но это возможно в отдалённом будущем, в настоящем же общество западоидов стремится распространить свои принципы существования на весь мир, даже на инопланетян. Точно так же в «Зияющих высотах» «на земле везде установили Ибанск» [2, с. 167] и все уверены, что если где-то ещё и существует цивилизация, то она копия ибанской (так и оказывается, когда в подземном мире обнаруживается Под-Ибанск). В обоих произведениях торжествующее свою победу государство даже устанавливает некий *новый язык*, на котором будет разговаривать весь мир. В «Зияющих высотах» это «Всеобщий Универсальный Язык (ВУЯ), пригодный для общения ибанцев с любыми цивилизациями» (Балда предлагал положить в основу ВУЯ наиболее древние языковые формы ибанского мата, впоследствии именно на этой основе была обнаружена внеземная цивилизация и установлены контакты с ней) [2, с. 278]. В «Глобальном человеинике» упоминается единый искусственный официальный язык «интер», в основе которого – упрощённый вариант английского языка [3, с. 21]. Поистине верной оказывается мысль, высказанная в «Зияющих высотах» западным Журналистом, что «в Ибанске всё точно так же, как у них, на Западе, только чуть-чуть наоборот» [2, с. 22].

Антиутопии А. Зиновьева с точки зрения литературной традиции стоят особняком в ряду тех произведений русской литературы, в которых рассматривается вопрос «переделки всего человечества по новому штату». Практически всегда авторы в этих случаях либо сознательно следуют за Ф.М. Достоевским, либо типологически пересекаются с ним в решении философско-этических проблем: воплощают **«инквизиторский» комплекс идей**. Он связан с **утилитарной этикой**, согласно которой нравственны любые средства для достижения наибольшего счастья наибольшего числа людей, то есть носитель такой идеи искренне желает достичь **гуманной цели**. А. Зиновьев показывает другой вариант развития идеи «переделки человечества по новому штату», и он наиболее близок не к «инквизиторству», о котором повествует в своей поэме Иван Карамазов, а к тому, о чём говорит ему в ответ Алёша: «... безо всяких тайн и возвышенной грусти... Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения» [5, с. 327]. Властители и Ибанска, и ЗС направляют усилия не на счастье большинства людей, а на сохранение собственных привилегий и материальных благ, а западоиды если и говорят об интересах человечества, то это исключительно в целях манипуляции сознанием окружающих. Таким образом, перед нами **упрощённый, сниженный вариант «инквизиторства»**. Не случайно у Ф.М. Достоевского в «Легенде о великом инквизиторе» преобладает высокое, *трагическое* начало, а в произведениях А. Зиновьева, особенно в «Зияющих высотах», хотя и присутствует трагическое, но на первый план выдвигается *комическое, сатирическое* начало, которое, по словам автора, «вынуждается свойствами самого объекта» изображения [4, с. 311]. А. Зиновьев, таким образом, представляет читателю весьма пессимистическую картину мира, в котором всё измельчало, в том числе и идеи, и цели людей.

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Кн. 1. М.: ПИК, 1990. 318 с.
2. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Кн. 2. М.: ПИК, 1990. 320 с.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человеиник. М.: Центрполиграф, 2000. 459 с.
4. Амбарцумов Е. Не кривил душой, не приспособился... (Интервью с А. Зиновьевым) // Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Кн. 2. М.: ПИК, 1990. С. 310–315.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М.: Государ-

ственное издательство художественной литературы, 1958. 636 с.

6. Греков Л. «Глобальный человек» как «зияющие высоты» западнизма // Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. С. 3–6.

7. Баталов Э.Я. В мире утопии. М.: Политиздат, 1989. 319 с.

8. Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 320 с.

9. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 4. С. 125–134.

10. Ланин Б.А., Боришанская М.М. Русская антиутопия XX в. М.: ТОО «Онега», 1994. 248 с.

11. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 760 с.

**«FOLLOWING A NEW PATTERN». THE TWO-FACED NATURE OF THE STATE,
AS PERCEIVED BY A. ZINOVIEV**

O.S. Sukhii

In this study of Zinoviev's anti-utopias, the social and philosophical issues of «Gaping Heights» («Ziyaushie vy-soty») and «Global Human Formicary» («Globalnyj cheloveinik») are analysed, revealing the common features of the «social organization projects» described in these novels.

Keywords: Zinoviev, satire, freedom, anti-utopia, manipulation of consciousness.